

Научная статья**УДК 008.001(100)(092)****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-59-68****Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о «славянском» и «романо-германском» культурно-исторических типах и перспективах их взаимодействия (сравнение концепции и метода)****Александр Станиславович Маджаров***Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
mas@home.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>*

Мыслителей Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера сближал цивилизационный подход к всемирной истории. Об актуальности сочинений этих авторов свидетельствует их созвучие современному историческому процессу. Взаимосвязь идей и относительная достоверность высказанных теоретиками прогнозов предопределили цель работы: сравнение концепций «славянского» и «романо-германского» культурно-исторических типов, изучение прикладной методологии исследований Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера и применение в данной работе сравнительно-исторического метода. Согласно результатам аналитического обзора трудов учёных, Н. Я. Данилевский создал типологическое направление в историческом исследовании, ушёл от трактовки международных отношений как явления ситуативного, осознал значение исторического прогноза. Он пришёл к выводу о принадлежности России и Европы к разным культурно-историческим типам, наличии между ними, говоря современным языком, ментальных противоречий, которые в перспективе могли породить столкновения между цивилизациями. Исследования геополитика убедили его в том, что Европа считала и впредь будет считать наше отечество «чужим», даже «враждебным» миром. В работах О. Шпенглера о будущем западной цивилизации, вышедших спустя пятьдесят лет после Данилевского, доктрина развивалась в направлении, заложенном русским геополитиком. Философ раскрыл палитру фаустовской души изнутри и подтвердил предположения и опасения Данилевского. «Фаустовская культура» направлена на распространение и покорение мира, на «первополитику всего живого» – войну. Наступившее двадцатое столетие выдвинуло философу эрой «войны за наследство», в которую вступят Индия, Китай, Южная Африка, Россия. В перечне мобилизованных государств на первом месте мыслитель видел своё отечество. Проведённый историографический анализ показал, что морфологическая установка классиков цивилизационного анализа изменила парадигму исследований, повысила возможности теоретического осмысления проблемы, открыла перспективы для сравнительного изучения культур, получения необходимого в настоящее время геополитического прогноза.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, историческое исследование, типология, морфология, прикладная методология, концепция

Original article**N. Y. Danilevsky and O. Spengler on "Slavic" and "Romano-Germanic" Cultural-Historical Types and Prospects of Their Interaction (Comparison of the Concept and Method)****Alexander S. Madzharov***Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
mas@home.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>*

Thinkers N. Y. Danilevsky and O. Spengler brought together a civilization approach to world history. The relevance of the works of these authors is evidenced by their consonance with the modern historical process. The interrelation of ideas and the relative reliability of the predictions made by the theorists predetermined the purpose of the work: comparison of the concepts of "Slavic" and "Romano-Germanic" cultural and historical types, the study of the applied methodology of research by Danilevsky and Spengler, and the application of the comparative historical method in this work. Danilevsky created a typological direction in historical research, moved away from the interpretation of international relations as a situational phenomenon, realized the importance of historical forecasting. He came to the conclusion that Russia and Europe belong to different cultural and historical types, there are, in modern terms, mental contradictions between them, which in the future could give rise to clashes between civilizations. The studies of the geopolitician convinced him that Europe considered,

© Маджаров А. С., 2022

and will continue to consider our fatherland, a “foreign” and even a “hostile” world. Fifty years after Danilevsky, Spengler spoke about the future of Western civilization. The philosopher’s doctrine developed in the direction laid down by the Russian geopolitician. The philosopher revealed the palette of the Faustian soul “from the inside”, and confirmed the assumptions and fears of Danilevsky. “Faustian culture” as Spengler concluded, “has always been aimed at “spreading”. All thinkers and leaders from Eckhart to Napoleon wanted to “conquer the world”. The coming twentieth century was seen by the philosopher as the era of the “war of inheritance”, in which India, China, South Africa, and Russia would enter. In the list of “mobilized states”, the thinker saw his fatherland in the first place. “Unbearable tension”, he testified, pushes Europe to the true Faustian path – the “primal politics of all living things” – war. The conducted historiographical analysis showed that the morphological attitude of the classics of civilization analysis changed the research paradigm, increased the possibilities of theoretical understanding of the problem, opened up prospects for comparative study of cultures, obtaining the necessary geopolitical forecast today.

Keywords: N. Y. Danilevsky, O. Spengler, historical research, typology, morphology, applied methodology, concept

Введение. Исследователи мировой истории в контексте теории цивилизаций Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) и Освальд Шпенглер (1880–1936) принадлежали к разным эпохам, странам, культурам. Данилевский посвятил типологическому обоснованию геополитической точки зрения на всемирную историю книгу «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к миру Германо-Романскому». Впервые работа была опубликована в журнале «Заря» (1869), в 1871 г. вышла в свет отдельным изданием. Освальд Шпенглер рассмотрел историю цивилизаций в книге «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории» (1918, 1922).

Творчество Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера изучалось в отечественной и зарубежной историографии. О мыслителе Н. Я. Данилевском писали Н. Н. Страхов, В. С. Соловьёв, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Кареев и др. Они размышляли над особенностями доктрины, её местом в русской историографии. В советской литературе взгляды Н. Я. Данилевского критиковали с марксистских позиций. В процессе исследования открывались и сильные стороны концепции. На перспективность типологического метода исследователя в культурологии обратил внимание социолог Питирим Сорокин (1951) [1]. Позже он ссылаясь на книгу русского geopolitика «Россия и Европа», переизданную в Берлине (1920), в своей «Социальной и культурной динамике» (1957) [2, с. 860]. Творчество Н. Я. Данилевского рассматривали Р. Мак-Мастер, Э. Таден, Г. Кон, Л. Шапиро.

В постсоветскую эпоху в трудах Л. Р. Авдеевой, С. И. Бажова, К. В. Султанова, Б. П. Балуева, А. В. Ефремова, А. В. Хорошевой, А. С. Маджарова, А. В. Малинова было продолжено изучение идеологических и те-

ретико-методологических оснований концепции Н. Я. Данилевского [3–8]. Специалисты интересовались славянофильскими корнями его идеологии, теоретическими источниками концепции, эволюцией доктрины и другими вопросами [4, с. 5–35; 7; 8, с. 87].

Научное наследие родоначальника цивилизационного подхода к истории актуально и в настоящее время [9]. Исследователь из Китайской Народной Республики Ли Хайянь справедливо подчёркивает, что перед Россией и Китаем «стоит задача... сохранения национального своеобразия», и в связи с этим возрастает необходимость изучения научного наследия Н. Я. Данилевского¹.

Вниманием авторов пользуется и творчество О. Шпенглера [7; 10, с. 123]. По словам Т. Г. Румянцевой, идеи мыслителя «оказались... созвучными» событиям минувшего столетия и наших дней [11, с. 814].

На совпадение взглядов теоретиков цивилизаций в работе «Предсмертные мысли Фауста» первым обратил внимание Н. А. Бердяев (1922). Он отметил, что «культурно-исторические типы Данилевского» похожи «на души культур Шпенглера», позже в работе «Русская идея» (1943) вновь повторил этот тезис [12, с. 895; 13, с. 97].

Методология и методы исследования. Взаимосвязь идей теоретиков цивилизационного подхода, относительная достоверность высказанных ими прогнозов определили актуальность сочинений Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера и перспективность их сравнительного анализа. Цель работы – сравнение концепций «славянского» и «романо-германского» культурно-исторических типов и прикладной методологии исследований Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера

¹ Ли Хайянь Теория культурно – исторических типов Н. Я. Данилевского в России и Китае: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – М.: Моск. гос. ун-т, 2010. – С. 3.

[14]. Основным методом исследования является сравнительно-исторический.

Идеологические и теоретико-методологические основы концепции Н. Я. Данилевского. Магистр ботаники Н. Я. Данилевский профессионально занимался проблемами геополитики, историей отечества. Его представления о месте России в международных отношениях диктовались славянофильской идеологической установкой. «Любовь к родному пепелищу» породила интерес к истории России, вносила коррективы в предмет исследования. Наряду с достижениями естествознания она направляла внимание учёного к морфологии истории, к научному обоснованию перспектив взаимодействия «германо-романского» и «славянского культурно-исторических типов». Одновременно консервативное начало его убеждений вело к идеализации действий властей, игнорированию внутренних противоречий в стране.

Автор был уверен в наличии противоречий между Россией и Европой и хотел выяснить, является ли эта позиция глубоким убеждением или «недоразумением» [15, с. 63]. Ответ на вопрос требовал научных аргументов, преодоления эмпиризма исторической науки, системной оценки международных отношений.

Н. Я. Данилевский раскрыл в своей книге принципы прикладной методологии и провёл междисциплинарное исследование – типологический, сравнительно-исторический анализ отечественной и зарубежной истории.

Идея применить типологический метод в науке о прошлом была навеяна работами по естествознанию. Исследователь высоко ценил заключения природоведов о том, что флора и фауна не являются хаосом, а выражают «творческую идею» в форме типа и предположил, что в истории также существуют масштабные культурно-исторические типы [Там же, с. 96, 98]. Для реализации замыслов учёному предстояло синтезировать философские идеи, принципы классификации объектов, приёмы эмпирического анализа источников в «арсенал средств» собственной прикладной методологии [Там же, с. 96].

Н. Я. Данилевский обратился к истории как феномену «духа, стремящемуся осуществить типы добра, истины и красоты», в «культурно-исторических формах». Он опи-

рался на теоретический постулат, согласно которому исторический процесс регулируется «идеальным морфологическим началом образования обществ», «миродержавным Промыслом» [Там же, с. 193, 194, 374]. В свете этих представлений задача исторической науки виделась исследователю в изучении видоизменений «материальных и духовных сил и законов под влиянием морфологического принципа» [Там же, с. 193, 408].

В новой методологии ставилось под сомнение деление материала на «Древнюю, Среднюю и Новую историю», ибо такая систематизация не соответствовала его «естественной группировке».

Исследователь считал, что «естественные» формы «общеизвестны» и представил их перечень, в который включил следующие «цивилизации»: 1) египетскую, 2) китайскую, 3) ассирийско-вавилонно-финикийскую, халдейскую (древнесемитическую), 4) индийскую, 5) иранскую, 6) еврейскую, 7) греческую, 8) римскую, 9) ново-семитическую (аравийскую), 10) германо-романскую (европейскую), 11) мексиканскую, 12) перуанскую, 13) славянскую [Там же, с. 109, 110, 114].

Выделение типов требовало выявления их специфики. Он предполагал доказать «самостоятельность» этих «организмов», создать научную основу для их сравнительного анализа, изучения структуры, возраста, перспектив эволюции.

Н. Я. Данилевский о «лингвистико-этнографическом семействе» и его психологических особенностях (характере) как типологической основе цивилизации. В совокупности культурно-исторических форм, установленной Н. Я. Данилевским, автора интересовали цивилизации романо-германского (включая англосаксов) и славянского типов. Анализ учёного базировался на постулатах об «идеальном» морфологическом строении «обществ» [Там же, с. 193, 194, 374]. Согласно логике Н. Я. Данилевского, культурно-исторический тип складывался под влиянием этнографических, религиозных и других факторов.

Исследователь конкретизировал признаки, которые обуславливали разделение «человечества на несколько больших групп», и положил их в основание классификации. Он утверждал, что культурно-исторические типы отличаются «крупными этнографическими различиями». Типологической единицей, отвечающей этому критерию,

учёный признавал «лингвистико-этнографическое семейство» [15, с. 141]. Внутренней структурой выявленной монады автор считал особенности восприятия мира и другие показатели, составляющие понятие «характер». По его словам, именно «различия в характере народа» являлись отличительными признаками цивилизаций [Там же, с. 194].

Каковой же, по мнению Данилевского, была специфика «славянского» и «романо-германского» «характеров»?

Теоретико-методологические основы концепций О. Шпенглера. Задачу «познания мира» Освальд Шпенглер видел в том, чтобы исследовать «организмы большого стиля» – культуры [16, с. 130]. «Ключом ко всем знакам природы» О. Шпенглер, ссылаясь на Гёте, называл «учение об образе», о «метаморфозе» [Там же]. Он не упоминал о Н. Я. Данилевском, хотя, возможно, был знаком с книгой «панслависта». [15, с. 193, 194, 374].

О. Шпенглер, как и Н. Я. Данилевский, подчёркивал, что необходимо отказаться от «линейной всемирной истории» и войти в мир «великих культур» [16, с. 132, 133, 136]. Морфологические представления О. Шпенглера облекались в символическую форму. Культура, согласно его видению, появлялась на свет как душа «из прадушевности», как «как образ» из безобразного, как символ из пра-символа на почве «определённого ландшафта» и проходила все ступени – «детство и юность, ... зрелось и старость» [Там же, с. 133, 135, 136]. Соприкасаясь с родственными образованиями, она сменяла их (или сменялась ими) и возвращалась «в прадушевное состояние» [Там же, с. 135].

Культура «олицетворяла» душу. Как «передний план» истории, она являлась «в форме народов, языков, верований, искусств, государств, наук», экономики, несла «великие символы жизни», «чувства», высказывала то, что её мучит [Там же, с. 135, 207]. Культура обладала «собственной идеей судьбы», устремлённостью к взлёту, к «реализации своего предназначения» [16, с. 143, 155].

О. Шпенглер, как и Н. Я. Данилевский, обратил внимание на факт «членения культур» [Там же, с. 501]. Его реестр культурно-исторических типов был близок списку Н. Я. Данилевского. В мировой истории философ выделил следующие культуры:

античную, западную, индийскую, вавилонскую, китайскую, египетскую, арабскую, мексиканскую [Там же, с. 30]. Русскую культуру О. Шпенглер считал не вполне оформившейся, но внимательно изучал её особенности.

Многоцветие конкретной культуры философ выводил из пра-символа. Этим своеобразным кодом фаустовской души он считал «безграничное пространство», а русской – «бесконечную равнину» [Там же, с. 207, 208, 337].

Н. Я. Данилевский о методе познания и специфике романо-германского характера. В исследовании «характера» «народов романо-германского типа» Н. Я. Данилевский развивал славянофильскую традицию, обращаясь к религии как важнейшей субстанции, формирующей духовную основу цивилизации. Он опирался на заключение, согласно которому «неправославный взгляд... лишает» достоверности «Откровение», не способствует созданию «истиной цивилизации» [15, с. 246]. Эта установка предопределяла критическое отношение автора к «психологическому» формату народов «романо-германского типа».

Н. Я. Данилевский подчёркивал, что найти различия в «психическом строе» народов «весьма трудно» [Там же, с. 199]. Суть проблемы автор видел в том, что этносам присущи общие черты характера, а разница заключалась в частоте повторения свойств, степени их уникальности. Изучать «душу» народа методом «частных наблюдений» («статистических выкладок») исследователь считал занятием непродуктивным, а источники, привлечённые автором, не позволяли вычленив в чистом виде интересующий его предмет исследования [Там же, с. 200].

Он предположил, что можно «найти» в истории этноса черты, «которые высказывались бы... во всей исторической жизни», и принять их за «этнографический признак» народа, выражающий «особенности его психического строя». Такие качества автор «нашёл» в соответствующих текстах по истории, применив метод экспертной оценки [Там же]. В формулировке Н. Я. Данилевского они фиксировались как «чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности», стремление поставить «свой образ мысли, интерес» выше всякого иного интереса, а кратко – как «насильственность» [Там же, с. 200–201].

Вооружившись этой гипотезой, учёный обратился к изучению «европейской истории» [15, с. 201]. Он подробно остановился на фактах «религиозной нетерпимости» представителей исследуемого социума. Примеры проявлений национального характера автор видел в стремлении «огнём и мечом» крестить «племена Восточной Германии... при Карле Великом», в крестовых походах, в хитрости иезуитов, жестокости инквизиции, в массовых убийствах католиками гугенотов во Франции (Варфоломеевская ночь) и т. д. [Там же, с. 206, 207].

Упомянутые черты характера, по наблюдениям исследователя, проявились и в «мирской жизни» – в «колониальных завоеваниях», в «торговле неграми» и «рабстве», в бизнесе [Там же, с. 208, 210]. Историю «новой Европы» учёный оценивал как борьбу «партийного» «интереса» против «существующего порядка», схватку за «равенство, братство, свободу» с помощью огня и меча [Там же, с. 209, 210, 214].

Европейский «склад ума, чувства и воли» как средоточие энергии, реализующейся в жизни, рассматривался автором в рамках негативной коннотации. Факт односторонности такого подхода признавал и он сам, но раскрывать значение созидательной деятельности европейцев не стал.

Предпринятый учёным анализ выявил некоторые психологические особенности носителей западной культуры: энергию, динамизм, эгоцентризм. На этом основании он строил заключение о характере деятельности романо-германских народов. В психологических особенностях представителей европейской культуры Н. Я. Данилевский видел предпосылки для прогноза взаимоотношений культурно-исторических типов. «Насильственность», по его мнению, должна была заявить о себе и в будущем.

О. Шпенглер о методе познания и специфике фаустовской души. О. Шпенглер, обращаясь к исторической морфологии на новом витке науки, использовал более тонкие инструменты анализа. Рассуждая о душе, он подчёркивал, что нельзя получить «точное знание» об этом явлении, а также «невозможно» «обособить волю и душу, характер и жизнь» в исследовании [16, с. 343].

Ценитель Вагнера указал на существование двух методологических подходов, реализующихся в историческом сочинении,

посредством изучения «закона» («природа») и «образа» («история»). «Историю» он считал образным познанием, способным раскрыть «органическую логику», «трагическую структуру» бытия [Там же, с. 127, 155], а систематизированную «природу» – познанием, раскрывающим «последовательности состояний механического типа» [Там же, с. 127, 185]. В исследовательской практике, однако, согласно утверждению О. Шпенглера, применялись оба метода [Там же, с. 134].

«Тонкую» структуру мира, О. Шпенглер изображал, опираясь на пра-символы, символы. Пра-символ своего внутреннего мира немецкий философ видел в «безграничном пространстве», а его пространственные параметры – в «зеркальном отображении» человеком внешнего мира [Там же, с. 208, 331]. Важнейшим качеством фаустовской души он считал «культуру воли» [Там же, с. 340, 342]. Она, по словам О. Шпенглера, в жизни являлась «формой подвижной экзистенции» – «характером» [Там же, с. 343, 345]. Активность фаустовской природы философ фиксировал в её «побуждениях» – в «преодолении сопротивления», в самоутверждении, в «претензии на власть», в войне со всяким «кто мыслит... иначе» [Там же, с. 344, 368].

Динамизм этой субстанции О. Шпенглер раскрывал, опираясь на историю. Его героями выступали «фаустовские священники», «которые, сидя на боевом скакуне», вели людей в «кровавые сечи», «рыцари», «кардиналы» [Там же, с. 377]. В их действиях, по мнению исследователя, проявлялась «неукротимая жизненная сила... западноевропейской истории», не схожая с «раннехристианской кротостью» [Там же, с. 377, 378].

Фаустовский человек «перетолковал» «Мораль Иисуса» в «повелительную» [Там же, с. 371]. «Оно», – заключал философ, – делается «Я»... Воля к власти... страстное желание возвысить собственную мораль до всеобщей истины, навязать её человечеству, желание... уничтожить все, что не таково – вот исконнейшее наше достояние» [Там же, с. 371]. «Я... господствует не только в картине "мира", но и в самой нашей истории» [Там же, с. 337].

Морфологическое исследование О. Шпенглера уточняло и развивало гипотезу Н. Я. Данилевского о характере романо-германских народов. Мысли теоретиков об особенностях фаустовской души близки

по существу. Апология «Я» О. Шпенглера соотносилась с соответствующей оценкой Н. Я. Данилевского [15, с. 200–201]. Не противоречили друг другу их высказывания о проявлениях европейского духа в истории. Во вдохновлявших О. Шпенглера «кровавых сечах» «фаустовских священников» Н. Я. Данилевскому виделась «насильственность» характера оппонентов.

Н. Я. Данилевский о методе познания и специфике русского характера. Очертив психологический облик народов романо-германского типа, Н. Я. Данилевский сформулировал вопрос для дальнейшего исследования: «Что же представляет нам в параллель... насильственности европейской истории... история России?» [Там же, с. 211]. Характеристика русского характера Н. Я. Данилевского строилась на идеях К. С. Аксакова, который в выводах о жизни народа, как «житии», опирался на идеальный духовный посыл, звучавший в древнерусской литературе. В частности, автор «Повести о Куликовской битве» (XVI в.), обращаясь к милости Христа, «пречистой девы матери божией», просил их вселить «в сердца наши кротость, тихость, смирение, любовь, потому что бог есть любовь»¹.

Особенность заключения К. С. Аксакова как методологического вектора состояла в том, что факт движения народа к идеалу он принимал за свершившийся акт. Н. Я. Данилевский, разделявший подход К. С. Аксакова, также искал коренные психологические черты этноса в православии, в русле христианских добродетелей [15, с. 211, 214, 220; 17, с. 137–143]. Он повторил тезис своего идейного предтечи об истории народа как «житии» и подчеркнул качества, которые тот демонстрировал в истории: «кротость духа», «перевес общенародного элемента над элементом личным» [15, с. 222].

Данная оценка выявляла тенденцию, отражающую, по словам автора, особенности психологии «низшего слоя» – крестьянства, но не исчерпывала её. Н. Я. Данилевский не учитывал влияния на исследуемый характер языческого дионисического начала, не замечал его в «бунтах» Стеньки Разина, Емельяна Пугачёва, в жизни бегунов-странников [13, с. 34]. Причина такого «округления», вероятно, заключалась в том, что «бунты» противоречили логике «органического развития» [15, с. 106, 112].

¹ Повесть о Куликовской битве. – Л.: Аврора, 1984. – С. 310.

Оценки Н. Я. Данилевского не касались и психологических особенностей носителей «европейского колорита». Обращаясь к реформам начала XVIII в., он отмечал, что Пётр I «как великий исторический деятель» осознавал опасность, которая грозила России, и предпринял меры для укрепления государственности, опираясь на «сокровища, добытые западной наукой» [Там же, с. 296, 297].

Однако, по мнению Н. Я. Данилевского, не все перемены были полезны. Особенно вредной для страны, по словам исследователя, явилась перестройка жизни Петром I «на иностранный лад», которая привела к «искажению», «чувств и мыслей» народа [Там же, с. 295, 299]. В итоге «высший слой сделался европейским», «неорганичным» и, согласно заключению автора, перестал быть носителем «кротости духа», «терпимости», соответственно, учитываться в исследовании [Там же, с. 307].

Для проверки выявленной тенденции русского характера Н. Я. Данилевский обратился к «великим моментам» истории отечества. Его гипотеза заключалась в том, что все судьбоносные процессы на Руси происходили «в глубине народного духа», отличались «общенародным» размахом, не имели ничего общего с европейским эгоизмом [Там же, с. 214, 222]. Летописное сообщение о «призвании варягов» учёный квалифицировал как мирное решение, в котором «общенародный элемент» преобладал над «личным» [Там же, с. 215].

Правоту тезиса о «терпимости» русского народа историк видел и в принятии христианства. По его словам, на Западе этот акт сопровождался «постоянными усилиями, мученичеством», а на Руси за князем Владимиром «почти без сопротивления» пошёл весь русский народ [Там же, с. 215, 216]. Автор видел размах, незавершённость акта, но подчеркнул его сравнительную «мягкость», вызванную особенностями народной психологии и осознанием факта «превосходства» христианства над язычеством [Там же, с. 217].

В событиях «смутного времени» (освобождение Москвы от польских захватчиков в 1612 г.) исследователь также находил подтверждение справедливости своего предположения. Деятельность Минина он считал «подвигом» человека, реализовавшего «мысли и чувства», охватившие «русский народ» [Там же].

Характеризуя освоение народом территории страны, автор сравнивал действия наших «искателей приключений» с поведением Писарро и Кортесов и квалифицировал российскую колонизацию как мирное «расселение», которое не вело к «покорению» и уничтожению «иностранцев» [15, с. 212].

Обращаясь к теме религиозного раскола Русской православной церкви, Н. Я. Данилевский отмечал, что народ не сочувствовал «гонению на старообрядчество», демонстрировал миролюбие, противоположное «насищенности» западных соседей [Там же]. При этом факты «религиозной нетерпимости» со стороны власти автор, вопреки объективным свидетельствам, считал «слабыми, бледными»¹ [Там же, с. 211].

В перечень значимых свершений русской истории исследователь включил и отмену крепостного права [Там же, с. 217]. Он считал этот процесс мирным, осуществлявшимся «без всякой борьбы» [Там же, с. 218]; получившие широкую известность в России волнения в селе Бездна Казанской губернии, закончившиеся массовым расстрелом «митингующих» крестьян, признал «ничтожным исключением», «жалким недоразумением» [15, с. 217, 218, 219; 16, с. 93–101].

В итоге проведённых изысканий прямого ответа на поставленный ранее вопрос о специфике истории России Н. Я. Данилевский не дал. Однако логика его исследования подводила к заключению, согласно которому славянская цивилизация в своей глубокой духовной основе не была нацелена на экспансию [Там же, с. 211].

О. Шпенглер о специфике русской души. Специфику русского культурно-исторического типа О. Шпенглер раскрывал, используя как источник русскую литературу. Он изучал Н. М. Карамзина, К. С. Аксакова, Л. Н. Толстого, М. Горького, ссылаясь на В. И. Ленина, особенно ценил Ф. М. Достоевского. По убеждению философа, сформировавшегося в ходе научных изысканий, связь России с Западом внутренне была «ничем не оправдана», ибо «русский инстинкт» отделил «Европу» от «матушки России» [16, с. 28].

По словам О. Шпенглера, за прасимволами фаустовской и русской души – «без-

граничным пространством» и «бесконечной равниной» – стояло несоответствие основных характеристик исследуемых феноменов: представлений о пространстве, воле, любви, отношении к деньгам [Там же, с. 208]. Русскую душу философ считал «безвольной», а в её тяге к свободе видел желание уйти «от обязанности личного деяния», «раствориться в братском, горизонтальном мире». «Я», по словам исследователя, представляется русскому «суежным», а попытка «возвысить себя» является признаком «западного тщеславия» [Там же, с. 337, 753].

В оценках России Шпенглер сближался с Данилевским. Русскую культуру он определял как псевдоморфоз, поддельную форму [Там же, с. 647]. По его заключению, «чуждая древняя культура» Запада подавила юную культуру России [Там же, с. 647]. «Первобытную душу» втиснули в иностранные формы «барокко, ... Просвещения, ... XIX столетия», которые «дух прарусскости» не мог постигнуть [Там же, с. 651]. В стране возникло два мира: «мнимой городской», проникший с Запада, связанный с капиталом, и мир «глубинной России», где «деньги ради денег» – кощунство, а в религиозном чувстве – «грех» [Там же, с. 962–963]. (В рассуждениях о «небуржуазности» русской души, О. Шпенглер близок к Н. А. Бердяеву [13, с. 139; 18, с. 544–549]).

Немецкий философ, ссылаясь на Ф. М. Достоевского, утверждал, что «душу края» подлинной России нёс в себе «простой народ» [16, с. 653]. Она не ценила «вещи этого мира», была пропитана «горькой ненавистью к каменному миру» и антихристу – Петру I, говорила на языке религии [Там же, с. 653, 654].

Другую ипостась русской души, отмеченную Шпенглером, выразил Л. Н. Толстой. Она являла «петровский дух» – «просвещённый, социально направленный рассудок», рассматривающий жизнь как событие «внутри европейской цивилизации». Его носителем был «оппозиционер на почве собственности, этики, политики» [Там же].

О. Шпенглер шёл по пути морфологического исследования за Н. Я. Данилевским. Его доктрина, соединяя символ и реальность, углубляла представления о реальности. Она развивалась в направлении, заложенном русским геополитиком, сближалась в своих заключениях с его выводами.

¹ Народное антицерковное движение в России XVII века. Документы приказа тайных дел о раскольниках 1665–1667 гг. / сост. В. С. Румянцев. – М.: Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР, 1986. – С. 61.

Носителем «русского духа» немецкий философ, как и Н. Я. Данилевский, считал крестьянство, из состава которого, как и русский геополитик, исключал европеизированное меньшинство. Заключение О. Шпенглера, согласно которому «“я” представлялось подлинному русскому суетным», подтверждало тезис Н. Я. Данилевского о «перевесе» «общенародного русского элемента над элементом личным», а его описание русской души косвенно свидетельствовало в пользу выводов историка мирных намерениях России [15, с. 222; 16, с. 337].

Результаты исследования и их обсуждение. *Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о перспективах культурно-исторического взаимодействия России и Европы.* Н. Я. Данилевский создал «морфологическое», типологическое направление в историческом исследовании, разработал и применил на практике методологию, которая позволила ему уйти от трактовки международных отношений как явления ситуативного, осознать значение исторического прогноза в науке. Цивилизационный подход учёного, развиваясь, вошёл в XXI в., в то время как идеи его критиков, сторонников «линейной» методологии, включая классика историографии С. М. Соловьёва, остались достоянием XIX столетия.

В итоге типологических изысканий по истории цивилизаций Н. Я. Данилевский пришёл к выводу о принадлежности России и Европы к разным культурно-историческим типам, наличии между ними противоречий, которые в перспективе могли породить столкновения между цивилизациями. Научные изыскания геополитика убедили его в том, что Европа считала и будет впредь считать наше отечество «чужим», даже «враждебным» миром. Она никогда «не признает нас своими». Европа «видит в России, в славянах... и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало» [Там же, с. 60].

Спустя пятьдесят лет после книги русского исследователя о позиции Запада в сфере морфологии культуры и международных отношений высказался О. Шпенглер. Философ «изнутри» раскрыл палитру фаустовской души и как «независимый эксперт» подтвердил предположения и опасения

Н. Я. Данилевского. «Фаустовская культура, – заключал О. Шпенглер, – всегда была направлена “на распространение... политического, экономического или духовного характера”. Все мыслители и вожди, от Экхарта до Канта и от Оттона Великого до Наполеона, желали “покорить мир”, увеличить собственную жизненную единицу... за счёт других» [16, с. 366, 903].

Новое время немецкий философ характеризовал как «эпоху колоссальных конфликтов». Со времён императора Наполеона возникает синдром «заряженного ружья». Идёт «война чисел, скорости, техники» [Там же, с. 94].

XX столетие, по его словам, «будет... столетием борющихся государств» [Там же, с. 894]. «В... войны за наследство» вступят континенты, Индия, Китай, Южная Африка, Россия, ислам, в дело войдут «новые и сверхновые техника и тактика» [Там же, с. 894].

В перечне «мобилизованных государств» на первое место мыслитель поставил своё отечество. «Нестерпимое напряжение, – свидетельствовал он, – толкает Европу на подлинный фаустовский путь первополитики всего живого – войны» [Там же, с. 894, 903].

Так, по словам О. Шпенглера, «завершается спектакль высшей культуры» [Там же, с. 972].

Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер ввели в научный оборот новую методологию. Её применение открыло возможности глубокого осмысления прошлого и прогнозирования будущего. Близость «заключений», полученных в ходе изысканий «независимых» исследователей морфологии истории, свидетельствовала о результативности метода цивилизационного анализа. Морфологическая установка изменила парадигму исследований, проблематику, на порядок повысила возможности теоретического осмысления проблемы. Выделение масштабного социального «организма» как отдельного типа способствовало выявлению его существенных особенностей, «возраста» и открыло возможности для глубокого сравнительного изучения культур, необходимого в настоящее время геополитического прогноза.

Список литературы

1. Sorokin P. Social philosophies of an age crisis. Boston: Beacon press, 1951. Vol. XI. 345 p.
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000. 1056 с.
3. Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов: Философская культурология второй половины XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1992. 195 с.
4. Бажов С. И. Философия истории Н. Я. Данилевского. М.: ИФРАН, 1997. 215 с.
5. Султанов К. В. Социальная философия Н. Я. Данилевского: конфликт интерпретаций / Социологический институт Российской академии наук; Социологическое общество им. М. М. Ковалевского. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. 245 с.
6. Балувев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Булат, 2001. 414 с.
7. Маджаров А. С. История России в теории цивилизаций: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.
8. Малинов А. В. Философия и методология истории в России / Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра истории русской философии. СПб.: Интерсоцис, 2015. 380 с.
9. Халаписис А. В. Философия и геополитика Николая Данилевского. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing s managed by: OmniScriptum AraPers GmbH Bahnhofstraße 28, D-66111, 2017. 180 s.
10. Зимовец Л. Г. О. Шпенглер о смысле истории // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 6. С. 123–130.
11. Румянцева Т. Г. Методология гуманитарного познания Освальда Шпенглера (опыт современного прочтения) // Роль женщины в развитии современной науки и образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск 17–18 мая 2016 г.) / ред. И. В. Казакова, А. В. Бутина, И. В. Олюнина. Минск: БГУ, 2016. С. 814–819.
12. Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Падение священного русского царства. М.: Астрель, 2007. С. 889–902.
13. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
14. Маджаров А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX века (постановка проблемы) // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 57–64.
15. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
16. Шпенглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. 1085 с.
17. Маджаров А. С. Афанасий Прокопьевич Шапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск: Иркутская областная типография № 1 им. В. М. Посохина, 2005. 525 с.
18. Бердяев Н. А. О буржуазности и социализме // Падение священного русского царства. М.: Астрель, 2007. С. 544–549.

Сведения об авторе

Маджаров Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор; Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: mas@home.isu.ru; [https:// orcid. org/0000-0003-1933-8549](https://orcid.org/0000-0003-1933-8549).

Для цитирования

Маджаров А. С. Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о «славянском» и «романо-германском» культурно-исторических типах и перспективах их взаимодействия (сравнение концепции и метода) // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 59–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-59-68.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 28.08.2022.

References

1. Sorokin, P. Social philosophies of an age crisis. Boston: Beacon press, 1951. XI. (In Rus.)
2. Sorokin, P. Social and cultural dynamics. The study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations. Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute. St. Petersburg, 2000. (In Rus.)
3. Avdeeva, L. R. Russian thinkers: Ap. A. Grigoriev, N. Y. Danilevsky, N. N. Strakhov: Philos. culturology of the second half of the XIX century. M: Publishing House of Moscow State University, 1992. (In Rus.)

4. Bazhov, S. I. Philosophy of History of N. Y. Danilevsky. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. M: IFRAN, 1997. (In Rus.)
5. Sultanov, K. V. Social philosophy of N. Y. Danilevsky: conflict of interpretations. Sociol. In-t Russian Academy of Sciences. Sociol. M. M. Kovalevsky University. St. Petersburg: Publishing House of SPbSTU, 2001. (In Rus.)
6. Baluyev, B. P. Disputes about the fate of Russia: N. Y. Danilevsky and his book "Russia and Europe". Tver: Bulat, 2001. (In Rus.)
7. Madzharov, A. S. The History of Russia in the theory of civilizations: a monograph by A. S. Madzharov. Irkutsk: Publishing House of IGU, 2014. (In Rus.)
8. Malinov, A. V. Philosophy and methodology of history in Russia. St. Petersburg State University, Department of History of Russian Philosophy. St. Petersburg: Intersocis, 2015. (In Rus.)
9. Khalapsis, A. V. Philosophy and geopolitics of Nikolai Danilevsky. AP LAMBERT Academic Publishing s managed by: Omni Scriptum Ara Pers GmbH Bahnhofstraße 28, D-66111. Saarbrücken, 2017. (In Rus.)
10. Zimovets, L. G. O. Spengler on the meaning of history. Scientific notes of the Russian State Social University, no. 6, pp. 123–130, 2009. (In Rus.)
11. Rummyantseva, T. G. Methodology of humanitarian cognition by Oswald Spengler (experience of modern reading). The role of women in the development of modern science and education: a collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, May 17–18, 2016, Minsk / BSU; edited by I. V. Kazakova, A. V. Butina, I. V. Olyunina. Minsk: BSU, 2016: 814–819. (In Rus.)
12. Berdyaev, N. A. The dying thoughts of Faust. The Fall of the sacred Russian Kingdom. Moscow: Astrel, 2007: 889–902. (In Rus.)
13. Berdyaev, N. A. Russian idea. St. Petersburg: ABC Classics, 2008. (In Rus.)
14. Madzharov, A. S. Applied methodology as a problem of Russian historiography of the XVIII–XIX century (problem statement). Humanitarian Vector, no. 6, pp. 57–64, 2019. (In Rus.)
15. Danilevsky, N. Ya. Russia and Europe / Compilation and comments by Yu. A. Belov. M: Institute of Russian Civilization, 2008. (In Rus.)
16. Spengler Oswald. Sunset of the Western world. Moscow: Alpha-book, 2010. (In Rus.)
17. Madzharov, A. S. Afanasy Prokopievich Shchapov: the history of life (1831–1876) and the life of "History". Irkutsk: Irkutsk Regional Printing House No. 1 named after V. M. Posokhin, 2005. (In Rus.)
18. Berdyaev, N. A. On bourgeoisness and socialism. The Fall of the Sacred Russian Kingdom. Moscow: Astrel, 2007: 544–549. (In Rus.)

Information about author

Madzharov Alexander S., Doctor of History, Professor; Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: mas@home.isu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>.

For citation

Madzharov A. S. N. Y. Danilevsky and O. Spengler on "Slavic" and "Romano-Germanic" Cultural-Historical Types and Prospects of their Interaction (Comparison of the Concept and Method) // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 59–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-59-68.

Received: July 14, 2022; approved after reviewing August 25, 2022; accepted for publication August 28, 2022.